«Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды

Е.В. Евдокимов

В данной статье рассматривается специфика китайских подходов к сфере «публичной дипломатии», отражающаяся в привлечении широких масс населения к пропагандистскому сопровождению внешней политики государства. Методы «народной дипломатии» КНР исследованы в контексте формирования внутри страны соответствующих общественных настроений по конкретным международным вопросам и их проекции за рубеж посредством СМИ, Интернета, неправительственных организаций, а также прямых народных выступлений.

В последние годы по мере повышения роли КНР в глобальных и региональных процессах китайское руководство активно наращивает усилия по продвижению в мире своих теорий и представлений о международных отношениях. Одним из ярких примеров подобных концепций «с китайской спецификой» является «народная дипломатия». В ней отражается весьма самобытный подход Пекина к сфере «публичной дипломатии», дополненный участием широких масс в пропагандистском сопровождении внешнеполитических усилий государства.

Считается, что термин «народная дипломатия» был сформулирован первым Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в середине 1950-х гг. в качестве определения для взаимодействия молодой Китайской Народной Республики с другими государствами в условиях отсутствия дипломатических отношений. Для этих целей в 1954 г. было создано Китайское народное общество дружбы с заграницей (КНОДЗ), которое к настоящему моменту включает подразделения во всех китайских провинциях, и общества дружбы с отдельными государствами.

Примечательно, что с дипломатическим признанием КНР и развитием официальных отношений с иностранными государствами, расширение гуманитарных обменов и контактов по общественной линии не исчезло из приорите-

тов китайской внешней политики, а наоборот – приобрело весомое самостоятельное значение. Особый интерес к народной дипломатии наблюдается в Китае с начала 2000-х гг. В этот период в китайской экспертной среде активно анализируется американский опыт «публичной дипломатии»¹. Подчеркивается ее связь с концепцией «мягкой силы», отмечается расширение границ традиционной дипломатии, растущее значение информационного воздействия на общества иностранных государств.

Вместе с тем, китайские исследователи проводят четкие различия между «публичной дипломатией» и «народной дипломатией», трактуя последнюю как более широкое понятие². Основной отличительной чертой «народной дипломатии» называется ее ориентация не только на интересы государства, но и на интересы народа. При этом поле деятельности не ограничивается населением Китая, а распространяется и на другие страны мира. С одной стороны, данный подход к пониманию целей внешней политики отражает объективные изменения в характере международных отношений, где государства уже не являются единственными субъектами, а действуют наравне с транснациональными организациями и даже частными лицами. С другой стороны, метаморфозы в китайской дипломатии отражают интерес руководства КНР к взаимо-

действию с более широкими слоями мирового населения (например, с китайскими диаспорами за рубежом). Показательно, что в публикациях, посвященных содержанию «народной дипломатии» подчеркивается роль неправительственных организаций во внешней политике, а также недостаточность официального канала информации для формирования и распространения позитивного образа страны в мире³.

Показательно, что понятия «публичная дипломатия» и «народная дипломатия» активно используются в официальных документах и выступлениях китайского руководства. Так, заслуживает внимания упоминание обоих терминов в речи министра иностранных дел КНР Ян Цзечи с соответствующей нюансировкой различий в их понимании: «Китайская дипломатия – это народная дипломатия. Народ всегда был источником мудрости для наших усилий в сфере публичной дипломатии. Я бы хотел поблагодарить всех китайских граждан за оказываемую ими поддержку внешней политики КНР»⁴.

Стоит отметить, что широкие массы населения действительно активно используются Пекином для поддержки конкретных внешнеполитических инициатив и «наглядной демонстрации» позиции КНР по многим международным вопросам.

Одним из наиболее распространенных методов пропагандистского воздействия являются народные протесты перед дипломатическими представительствами иностранных государств в Пекине. Данные традиции были заложены еще в годы «культурной революции», когда массы «хунвэйбинов» регулярно атаковали иностранные посольства (в т.ч. Советского Союза). Однако этот прием внешнеполитического воздействия активно используется и в современном Китае.

Так, в частности, в Пекине и других городах страны нередко проходят демонстрации протеста в связи с обострениями в китайско-японских отношениях. Последний случай был вызван задержанием в сентябре 2010 г. японскими властями китайского рыболовецкого судна в спорной акватории островов Дяоюйдао⁵. Заслуживают внимания и антияпонские выступления, прошедшие в Китае в июне 2008 г. после того, как правительства двух стран объявили о договоренности вести совместную разработку газовых месторождений в Восточно-Китайском море. Тогда МИД КНР пришлось «успокаивать» китайское население заявлениями о том, что данное соглашение не нарушает суверенитет Китая⁶. При этом сигнал японской стороне, изначально направленный на уровне народного недовольства, обрел официальное звучание лишь спустя полгода: «Китайская сторона надеется, что Япония избежит превратного толкования принципиальной договоренности по Восточно-Китайскому морю»⁷. Массовые протесты используются Пекином для пропагандистского воздействия на Токио и в связи с такими чувствительными сю-

жетами, как издание в Японии новых учебников истории или посещение японскими руководителями мемориального комплекса «Ясукуни», где захоронены солдаты, погибшие во время Второй мировой войны. Стоит отметить, однако, что аналогичные методы «народной дипломатии» практикуются и японской стороной. Так, например, в начале 2008 г. в Японии прошли протесты в связи с массовыми отравлениями китайскими пельменями, что крайне отрицательно сказалось на международном имидже Китая⁸.

Ухудшение китайско-французских отношений в 2008 г. на фоне активной позиции Президента Франции Н. Саркози по тибетской проблематике также сопровождалось массовой волной протестов в Китае. Интересным моментом «народного давления» стала инициированная в китайских СМИ и интернете кампания по бойкоту популярной в Китае сети французских супермаркетов Carrefour в ответ на попытки бойкотировать эстафету огня Пекинской олимпиады в Париже весной 2008 г. Показательно, что подобный сигнал по каналам «народной дипломатии» был направлен Н. Саркози задолго до того, как он решился на встречу с Далай-ламой в декабре 2008 г. После этого Пекин задействовал уже инструменты реальной дипломатии: срыв саммита КНР – ЕС, где на тот момент председательствовала Франция, давление на интересы французского бизнеса в Китае и, конечно, соответствующее информационное сопровождение в китайских СМИ⁹.

Использование Пекином «настроений масс» внутри страны во внешнеполитических целях прослеживается и в публикациях по теме «народной дипломатии» в китайских СМИ. Так, в передовой статье ежедневной англоязычной газеты Global Times от 07.07.2010 г. «Проверка для китайской народной дипломатии»¹⁰ применительно к реакции населения КНР на совместные учения ВМС США и Республики Корея в Желтом море, проводилась следующая мысль: «Росткам патриотизма необходимы реальные проверки, чтобы вырасти в эффективную альтернативную силу китайской дипломатии. СМИ также могут содействовать тому, чтобы голос общества был услышан... Нормальные китайско-американские отношения вовсе не означают, что Китай должен скрывать свои проблемы за улыбкой... Общественное недовольство и протесты должны рассматриваться китайским правительством не как обуза, а как дополнительный аргумент за столом переговоров».

Стоит отметить, что идеология «патриотизма» в Китае в последние годы находится на подъеме и оказывает растущее влияние на политику страны. Идеи умеренного национализма стали проявляться в официальной внешней политике КНР в начале нового века. В 2000 году на саммите тысячелетия Цзян Цзэминь выступил с речью, в которой изложил китайский взгляд на глобализацию, во многом совпадающий с подходами националистов. В последующем китайское пра-

вительство заявило о целях достижения самообеспечения страны продовольствием и основными промышленными товарами, пересмотрело модель взаимодействия с иностранным капиталом, инициировало развитие региональной интеграции (создание Шанхайской организации сотрудничества, зоны свободной торговли с АСЕАН и т.д.). Оформление «национализации» внешнеполитического курса руководства КНР произошло на XVI съезде КПК 2002 года, где Коммунистическая партия была названа «авангардом нации в защите национальных интересов»¹¹.

Ориентация на прагматичные цели заметна не только в общих установках компартии Китая, по-прежнему удерживающей монопольное положение в определении курса страны¹². Дискуссии о необходимости приоритетного обеспечения национальных интересов, в т.ч. за счет более активных действий на международной арене, ведутся как внутри правящей партии, так и в отдельных подконтрольных ей организациях – армия, «силовые» ведомства, научные центры и учебные заведения. Идеи патриотизма все популярнее и среди обычного населения. Ведущую роль в их распространении играют СМИ и Интернет.

В этой связи заслуживают внимания публикация в КНР книг, открыто пропагандирующих националистические принципы внешней политики. Первое подобное издание «Китай может сказать нет»¹³ вышло в 1996 г. и разошлось тиражом 7 млн. экз. В 2009 г. с участием одного из ее авторов Сун Цяна опубликована новая книга «Китай не рад»¹⁴. Об ажиотаже вокруг нее говорит то, что в первый месяц было раскуплено более 600 тыс. экземпляров, название было процитировано в более чем 700 китайских и иностранных СМИ, в интернете создано более 2,9 млн. страниц, посвященных обсуждению причин «китайского недовольства». Основным смыслом опубликованных в книге статей – Китаю необходимо вести более жесткую политику в отношении США, не стоит бояться глобального лидерства, следует бороться за природные ресурсы, которыми неумело управляют другие страны, и предпринимать активные усилия по изменению не устраивающего его мирового порядка. Показательно, что по опросам популярного Интернет-портала sina.com из более 5 тыс. респондентов 54,4% согласились с тезисом авторов книги, что «Китай должен использовать удачные возможности, связанные с глобальным финансовым кризисом, чтобы укрепить свое лидерство». При этом 41,3% опрошенных ответили, что подобные радикальные националистические идеи должны пресекаться государством¹⁵.

Конечно, данные публикации позиционируются как отражающие мнения отдельных групп населения, а не официальную политику КНР. Более того, китайские СМИ пишут о непопулярности данных взглядов среди широких масс, о мерах правительства по пресечению подобных

идей и воспитанию населения в соответствии с традициями «миролюбивого» Китая. Однако сам факт подобных публикаций (не говоря даже об их содержании) в КНР, где вся издательская деятельность находится под контролем государства, означает, что китайское руководство намеренно допускает проекцию националистических настроений отдельных граждан за рубеж, преследуя соответствующие внешнеполитические цели. С одной стороны, иностранным партнерам дается сигнал, что в Китае есть силы, более радикальные, чем правящая компартия, и, следовательно, в интересах Запада – не расшатывать внутриполитическую ситуацию, а поддерживать стабильность нынешнего режима. С другой стороны, подобными «народными» методами прощупывается почва под возможные официальные дипломатические инициативы¹⁶.

Одним из активно развивающихся направлений китайской «народной дипломатии», тесно связанным с восстановлением международного авторитета страны, является пропаганда деятельности по возврату культурных ценностей, вывезенных из Китая в разные периоды¹⁷. В последние годы появление на различных аукционах мира лотов из числа «утраченных» китайских артефактов все чаще сопровождается волнами протестов и негодования китайской общественности, как в стране, так и за её пределами.

Пекин все чаще использует для этих целей официальные каналы – с соответствующими комментариями регулярно выступает МИД КНР. Имеются успехи в переговорах с иностранными государствами по возврату культурных ценностей – в 2008 г. Дания вернула Китаю 156 реликвий после двух лет судебных разбирательств по иску, поданному китайским правительством в соответствии с конвенцией ЮНЕСКО 1970 г.¹⁸ Вопросы объединения усилий по возвращению реликвий нередко обсуждаются китайским руководством с Италией и Египтом.

Совершенствуются и методы работы по неправительственной линии. В 2002 г. был создан специальный фонд по возвращению вывезенных за рубеж культурных ценностей, в основные задачи которого входит поиск, сбор информации и привлечение денежных средств для приобретения реликвий. В марте 2006 г. была создана Дружественная ассоциация коллекционеров.

Одним из наиболее резонансных событий в этой сфере стал устроенный китайским коллекционером Цай Минчао в феврале 2009 г. срыв продажи аукционным домом «Кристи» двух бронзовых скульптур из разрушенного в XIX веке иностранными войсками императорского дворца. Коллекционер сначала предложил наивысшую сумму (31,49 млн. евро), а спустя несколько дней отказался от покупки.

Затрагивающие национальные чувства внешнеполитические сюжеты наподобие территориальных споров с Японией, спекуляций о бойкоте эстафеты огня Пекинской олимпиады,

■ Свежий взгляд

выставления на торги за рубежом артефактов, вывезенных из Китая и т.п. вызывают наиболее горячие протесты китайского населения не только на улицах, но и в Интернете. Массовость и демократичность всемирной сети, возможность мгновенного распространения информации превратили Интернет в важный канал проецирования китайского общественного мнения на внешний мир. Стоит отметить, что, осознавая силу «коллективного голоса» народа, помноженную на современные технологии, китайское руководство уделяет все больше внимания контролю над киберпространством. В последние годы Пекин значительно усилил цензуру в китайском сегменте Интернета под вывеской борьбы с противоправными действиями в сети. При этом предпринимаются действия по созданию соответствующего имиджа страны, выступающей за усиление информационной безопасности¹⁹.

Стоит отметить, что в современном Китае во внешнеполитических целях все активнее используются методы массовых выступлений и соответствующего освещения «народных настроений» в Интернете, СМИ, печатной продукции. При этом китайское правительство зачастую представляет данные процессы на международной арене как свидетельство политической демократизации, становления гражданского общества, возникновения неправительственных организаций, чего так настойчиво добиваются от Китая западные правозащитники. Вместе с тем,

тот факт, что Пекину удастся направлять «народные недовольства» вовне, сдерживая нежелательные тенденции внутри страны, означает, что компартия по-прежнему контролирует общественные процессы в КНР – от воспитания и образования, деятельности различных ведомств, учреждений и коммерческих структур, до дискуссий в СМИ и Интернете. Соответственно, разговоры о самостоятельной и самодостаточной «народной дипломатии» – это тщательно подготовленный пропагандистский продукт, рассчитанный на зарубежную аудиторию. Как представляется, рассмотренные в данной статье методы «народной дипломатии» Китая достойны внимательного изучения в качестве весьма эффективного и широко используемого КНР способа пропагандистского сопровождения внешней политики.

Evdokimov E. V. "People-to-people diplomacy" of the PRC. Mass involvement as a phenomenon of Chinese foreign policy propaganda.

Summary: This article offers a review of Chinese specific approaches to "public diplomacy" that comprise getting broad masses involved in foreign policy propaganda. The methods of the PRC "people-to-people diplomacy" are examined in the context of forming within the country suitable public attitudes to certain international issues and their projection abroad by means of mass-media, Internet, non-governmental organizations and direct public actions.

Ключевые слова

внешнеполитическая пропаганда, народная дипломатия, публичная дипломатия, массовость, проекция стереотипов.

Keywords

foreign policy propaganda, people-to-people diplomacy, public diplomacy, mass involvement, stereotypes projection.

Примечания

1. См., например: Qu Xing. Classical Public Diplomacy and Chinese Characteristics // China International Studies, 2010, September/ October. P.4-19. О растущей научной популярности данной темы, по мнению автора, свидетельствует тот факт, что на китайском сайте академических журналов www.qikanw.com имеется не менее 700 ссылок на публикации, посвященные «публичной дипломатии» («гунгун ваичэяо»), более 40 из которых – диссертации. Заслуживает также внимания рассмотрение в китайских СМИ примеров «непубличной дипломатии» США – неофициальная миссия бывшего президента Б.Клинтон в Пхеньян для вызволения американских журналистов в августе 2009 г., а также секретные контакты администрации Р.Рейгана с Ираном в 1980-е гг. Подробнее см.: «Мэйго хоймэнь ваичэяо: помэньхоу нэнфоу дэфэнь» (Американская дипломатия «заднего крыльца»: можно ли извлечь выгоды из «сломанной калитки») // Шицзе чжиши ("World Affairs"), 2009, №18, с.34-35.
2. Так, в интервью председателя КНОДЗ Чэнь Хаосу газете «Жэньминь жибао» общественная дипломатия отмечается лишь как одно из направлений народной дипломатии наравне с развитием побратимских связей между китайскими и иностранными городами и расширением гуманитарных контактов по линии обществ дружбы. – «Народная дипломатия: пусть мир больше узнает о Китае» [Электронный ресурс] // URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6616803.html> Интересно, что понятие «народная дипломатия» значительно популярнее «публичной дипломатии» и на острове Тайвань, несмотря на его тесные связи с США. Островная элита видит в «народной дипломатии» реальный способ развития сотрудничества с внешним миром в условиях сокращающегося списка стран, поддерживающих дипломатические отношения с Тайбэем. Конкретные методы работы на данном направлении включают интенсификацию гуманитарных контактов и активизацию деятельности тайваньских НПО, в т.ч. на направлении продвижения демократии и прав человека. Подробнее см.: People's Diplomacy as introduced by the Yearbook of the Republic of China [Electronic resource] // URL: <http://www.taiwan.com.au/Polieco/Policies/Foreign/report01.html>.
3. Интересные высказывания на этот счет Председателя КНОДЗ Чэнь Хаосу и китайских ученых содержатся в статье "Olympic Cheerleaders Point New Direction for China's Diplomacy", опубликованной в 2008 г. на сайтах китайских посольств в иностранных государствах. В частности, заслуживает внимания то, как профессор Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзисы охарактеризовал китайско-американские отношения – «государство против целого общества»: КНР преимущественно использует лишь официальный канал, а в США НПО активно влияют на внешнюю политику. // См., например, сайт постпредства КНР при ООН [Electronic resource]. URL: <http://www.china-un.org/eng/zt/nationalday2008/t513213.htm>

4. См. стенограмму ежегодной пресс-конференции министра иностранных дел КНР в рамках сессий ВСНП и НПКСК от 07.03.2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t662388.htm> Данные формулировки можно обнаружить и в более ранних выступлениях китайских официальных лиц. См., например, выступление тогдашнего министра иностранных дел КНР Ли Чжаосина в Пекинском университете 21.04.2005 г. // «Бэйцзин цинняньбао», 2005, 22 апреля.
5. Японское название островов – Сэнкаку. См. сообщение «Жэньминь Жибао»: «Обзор: действия Японии в отношении островов Дяоюйдао не соответствуют фактам и вызывают протесты» [Электронный ресурс] // URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7147706.html>.
6. "Anti-Japanese protesters assail Beijing's gas pact" // South China Morning Post, 2008, June 19, P.A5; "Japan deal does not harm sovereignty" // China Daily, 2008, June 20, P.1.
7. См. стенограмму регулярной пресс-конференции официального представителя МИД КНР от 06.01.2009 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t531045.htm>
8. Вкупе со скандалом с обнаружением в конце 2008 г. меламина в произведенном в КНР сухом молоке, этот сюжет заставил Пекин уделить серьезное внимание пропаганде мер китайского правительства по обеспечению безопасности продуктов питания. См., например: Ядовитые пельмени из КНР отравили отношения с Японией [Электронный ресурс] // URL: <http://ibk.ru/37908.html>; Меламиновый скандал в Китае [Электронный ресурс] // URL: <http://sinocom.ru/showthread.php?t=115>.
9. См., например, сообщение агентства «Синьхуа»: "Sarkozy's meeting with Dalai Lama an unwise move detrimental to Sino-French ties" [Electronic resource] // URL: http://news.xinhuanet.com/english/2008-12/07/content_10466919.htm
10. "A test of Chinese people's diplomacy" // Global Times, 2010, July 7. [Electronic resource] // URL: http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2010-07/549042_2.html
11. Отчет XVI Всекитайского съезда КПК. – Пекин: «Жэньминь чубаньшэ», 2002, С.38.
12. По мере экономического и социального развития КНР место амбициозных коммунистических лозунгов времен Мао Цзэдуна – «большого скачка», «трех знамен» и т.п., последовательно занимали «четыре модернизации», «реформы и открытость», «социализм с китайской спецификой», и, наконец, «три представительства», «научно-обоснованное развитие» и «гармоничное общество». См. Устав Коммунистической партии Китая с поправками, принятыми 21 октября 2007 г. на 17 Съезде КПК [Электронный ресурс] // URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/25/content_512150.htm.
13. Сун Цян, Чжан Цанцан, Цяо Бянь. «Чжунго кэи шо бу» (Китай может сказать нет) – Пекин: «Чжунхуа гуншан лянхэ чубаньшэ», 1999 г.
14. «Чжунго бу гаосин: да шидай, да мубяо цзи вомэньдэ нэйювайхуань». (Китай недоволен: Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009. Коллектив авторов кроме Сун Цяна включил также военного обозревателя Центрального телевидения Китая CCTV и гонконгского телеканала «Феникс» Сун Шаоцзюня, журналиста Лю Яна, общественного деятеля Хуан Цзису и «ведущего теоретика китайского национализма» Ван Сяодуна (род деятельности авторов обозначен на обложке книги) [Электронный ресурс] // URL: http://static.dangdang.com/book/topic/778_12572.shtml
15. "Happy or Unhappy Is the Question" // Beijing Review, 2009, April 16. P.22-23.
16. Заслуживающий внимания анализ тенденций роста национализма в современном Китае представлен в работе Лукина А.В.: «Китайская мечта» и будущее России. Внешняя политика Пекина – новый поворот? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kitaiskaya-mechta-i-buduschee-Rossii-14857>. См. также: Галенович Ю. Мечта о гармонии // Время новостей, 2009, 13 июня; Храмчихин А. Пекинский тигр изготавился к прыжку // Новая газета - Военное обозрение, 2009, 25 июня.
17. По статистике ЮНЕСКО, около 1,64 млн. китайских исторических и культурных памятников находятся в 200 музеях 47 стран мира. При этом, по приблизительным подсчетам, в частных коллекциях хранится в 10 раз больше. Ассоциация культурных памятников Китая оценивает количество незаконно вывезенных в период с середины XIX по середину XX веков культурных ценностей в 10 млн. наименований.
18. В 1989 г. Китай присоединился к Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., в 1997 г. – к Конвенции Международного института по унификации частного права (ЮНИДРУА) о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 года.
19. В 2010 году Китай впервые принял участие в ежегодном международном форуме по информационной безопасности и противодействию терроризму. В настоящее время Китай является одним из основных источников хакерских атак и компьютерных вирусов в мире. В 2009 г. численность китайских хакеров превысила 100 тыс. чел., а доходы от их деятельности составили более 1,47 млрд. долларов США. Интересные данные о китайских хакерах приводятся в статье Очеретина В.: Компартия Китая // Огонек, 2009, 14 сентября.